



Именем  
Российской Федерации

## **ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

### **КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А.Боровкова и Н.И.Морозова

город Санкт-Петербург

19 ноября 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием гражданина Н.И.Морозова, представителя гражданина С.А.Боровкова – адвоката В.И.Руднева, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,

частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан С.А.Боровкова и Н.И.Морозова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, объяснения сторон и их представителей, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации Н.В.Тимошина, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – С.А.Манахова, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно первому предложению части первой статьи 10 УК Российской Федерации уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на

лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Отсутствие в деянии состава преступления, в том числе в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом, закреплено Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в числе оснований прекращения уголовного дела (пункт 2 части первой и часть вторая статьи 24), а прекращение уголовного дела по данному основанию – в числе оснований прекращения уголовного преследования (пункт 2 части первой статьи 27). Согласно данному Кодексу при наличии оснований, предусмотренных его статьями 24–28<sup>1</sup>, уголовное дело и уголовное преследование прекращаются, а в случаях прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 данного Кодекса, следователь или прокурор принимает предусмотренные его главой 18 меры по реабилитации лица (статья 212); при этом право на реабилитацию не возникает, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения отменены или изменены, в частности, ввиду принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния (часть четвертая статьи 133). Вместе с тем в силу части второй статьи 27 УПК Российской Федерации прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в пунктах 3 и 6 части первой статьи 24, статьях 25, 28 и 28<sup>1</sup> данного Кодекса, а также пунктах 3 и 6 части первой его статьи 27, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает; в таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

1.1. Конституционность приведенного правового регулирования порядка прекращения уголовного дела применительно к досудебной стадии уголовного процесса оспаривают заявители по настоящему делу – граждане С.А.Боровков и Н.И.Морозов, уголовные дела в отношении которых

постановлениями следователей были прекращены в связи с устранением новым уголовным законом (а именно федеральными законами от 7 апреля 2010 года № 60-ФЗ и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) преступности и наказуемости инкриминировавшихся им органами предварительного следствия деяний (в отношении С.А.Боровкова – предусматривавшегося частью первой статьи 176 «Незаконное получение кредита» УК Российской Федерации, в отношении Н.И.Морозова – предусматривавшегося частью второй статьи 146 «Нарушение авторских и смежных прав» УК Российской Федерации).

Ленинский районный суд города Владимира постановлением от 2 ноября 2011 года отказал в удовлетворении жалобы С.А.Боровкова, который просил признать постановление следователя о прекращении уголовного дела и уголовного преследования незаконным, как вынесенное без его согласия и без выяснения его отношения к предъявленному обвинению, на том основании, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не обуславливает прекращение уголовного дела в связи с декриминализацией деяния согласием лица, которому оно инкриминировалось. Постановление суда первой инстанции оставлено без изменения кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда от 14 декабря 2011 года. Надзорные жалобы С.А.Боровкова оставлены без удовлетворения судами надзорных инстанций.

На том же основании постановлением Первомайского районного суда города Мурманска от 11 октября 2012 года, оставленным без изменения кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 20 ноября 2012 года, отказано в удовлетворении жалобы Н.И.Морозова, в которой он настаивал на своей невиновности и просил прекратить ранее возбужденное в отношении него уголовное дело в связи с отсутствием события преступления, а не в связи с отсутствием в инкриминируемом ему деянии состава преступления вследствие его декриминализации.

Нарушение своих конституционных прав положениями части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации заявители усматривают в том, что, допуская прекращение уголовного дела в связи с принятием уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, без получения на то согласия лица, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, они не позволяют такому лицу обжаловать в суде сам факт привлечения его к уголовной ответственности, законность и обоснованность выдвигавшихся против него подозрения, обвинения, возражать против прекращения уголовного дела по данному основанию, не предусматривают восстановление прав обвиняемого, вина которого не доказана, препятствуют реализации им права на реабилитацию, а следовательно, не соответствуют статьям 2, 8, 15, 17 (часть 1), 18, 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46, 47 (часть 1), 49, 52, 55, 56 (часть 3), 118 (часть 1) и 123 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых

законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Соответственно, взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании на досудебной стадии уголовного судопроизводства решается вопрос о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния в случае, когда он возражает против прекращения уголовного дела без судебной проверки и оценки законности и обоснованности выдвигавшихся в отношении него подозрения, обвинения.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях, а также в целях обеспечения иных конституционных ценностей, включая законность, правопорядок и общественную безопасность, закрепляет требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда охраняемые ею ценности становятся объектом преступного посягательства, – осуществления уголовного преследования лиц, преступивших уголовный закон (статьи 1, 2 и 17; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1).

Вместе с тем, называя в числе неотчуждаемых прав человека право каждого на судебную защиту его прав и свобод, Конституция Российской Федерации гарантирует возможность обжалования в судебном порядке решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц, а также право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 46, части 1 и 2; статья 53), и одновременно устанавливает, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (статья 49, части 2 и 3), никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, а если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (статья 54, часть 2).

Как следует из взаимосвязанных положений статей 49 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, устранение новым уголовным законом преступности и наказуемости деяния означает как недопустимость постановления обвинительного приговора суда, устанавливающего вину лица, которому оно инкриминировалось, так и отсутствие необходимости подтверждения его невиновности в совершении деяния и, соответственно, недопустимость дальнейшего уголовного преследования такого лица, доказывания в предусмотренном федеральным законом порядке его вины, а тем более – подтверждения судом его виновности в совершении деяния, утратившего преступность и наказуемость.

Равным образом недопустимо и продолжение в таком случае досудебного производства по уголовному делу и направление его в суд в обычном порядке, предназначенном для решения вопроса об уголовной

ответственности обвиняемого, что означало бы сохранение – вопреки требованиям законности, равенства и справедливости, а также экономии процессуальных мер и мер уголовной репрессии – правового положения лица как обвиняемого вплоть до вступления окончательного решения суда в законную силу и, по существу, приводило бы к продолжению уголовного преследования за деяние, преступность и наказуемость которого уже устранены, т.е. без учета новой государственной оценки такого деяния как не имеющего уголовной противоправности, и тем самым – в нарушение статей 19 (часть 1), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 46 (часть 1), 49 и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации – к несоразмерному ограничению прав личности.

Прекращением уголовного преследования ввиду принятия уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, не предопределяется, однако, оценка законности и обоснованности предшествующей процессуальной деятельности, а также выдвигавшегося против лица подозрения или обвинения в совершении преступления, что предполагает право такого лица выразить свою позицию относительно имевших место действий и решений правоприменительных органов, в том числе обжаловать их в установленном процессуальным законом судебном порядке в целях восстановления своих нарушенных прав.

Необоснованное уголовное преследование – это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство, а потому возможность реабилитации, т.е. восстановления чести, доброго имени опороченного неправомерным обвинением лица, а также обеспечение проверки законности и обоснованности уголовного преследования и принимаемых процессуальных решений (в случае необходимости – в судебном порядке) являются непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту, в том числе судебную, его прав и свобод (Постановление Конституционного Суда Российской



Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П). Следовательно, государство, хотя оно при наличии соответствующих оснований и условий, по смыслу статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, может отказаться от осуществления уголовного преследования, не вправе оставить неисполненными возложенные на него Конституцией Российской Федерации обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе – исходя из требований статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 49, 52, 53 и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации – оно не освобождается от необходимости гарантировать лицам, незаконно и необоснованно подвергавшимся уголовному преследованию, охрану достоинства личности и обеспечить им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на всех стадиях уголовного судопроизводства.

3. По смыслу статьи 54 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями части второй статьи 2 и статьи 3 УК Российской Федерации, частей первой и второй статьи 1, статей 24, 27 и 73 УПК Российской Федерации, нормы уголовного закона служат материально-правовой предпосылкой для уголовно-процессуальной деятельности: подозрение или обвинение в совершении преступления должны основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, подлежит установлению только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, приданием – в развитие предписаний статьи 54 Конституции Российской Федерации – обратной силы положениям уголовного закона, устраняющим преступность деяния или смягчающим наказание, в уголовно-

правовых отношениях обеспечиваются принципы справедливости (преамбула Конституции Российской Федерации, статья 6 УК Российской Федерации) и равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации, статья 4 УК Российской Федерации); соответственно, исходя из тех же конституционных принципов, вследствие устранения преступности и наказуемости деяния утрачивается и сама предпосылка уголовного судопроизводства, назначению которого в равной мере отвечают как уголовное преследование и справедливое наказание виновных, так и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть вторая статьи 6 УПК Российской Федерации), которые не могут осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона (постановления от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 2 июля 2013 года № 16-П, определения от 20 октября 2011 года № 1393-О-О, от 22 марта 2012 года № 594-О-О, от 17 июля 2012 года № 1461-О и др.).

3.1. Решением о прекращении уголовного преследования в связи с отсутствием в имевшем место деянии состава преступления в случае, когда преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом до вступления приговора в законную силу (пункт 2 части первой и часть вторая статьи 24 УПК Российской Федерации), обеспечивается реализация вытекающего из статей 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации требования равных оснований для распространения нового уголовного закона на лиц, которые согласно статье 49 Конституции Российской Федерации и статье 14 УПК Российской Федерации применительно к вопросу об уголовной ответственности считаются невиновными, независимо от того, до или после его принятия было совершено деяние. Такое решение констатирует отсутствие преступности и наказуемости деяния по смыслу нового уголовного закона и, соответственно, не влечет для лица каких-либо уголовно-правовых последствий; напротив, оно направлено на защиту прав этого лица и само по

себе не может рассматриваться как причинение ему вреда, а потому – учитывая, что вопрос об уголовной ответственности за деяние, утратившее качество преступности, исключается в принципе, – и уголовное преследование в отношении подозреваемого, обвиняемого подлежит прекращению.

При этом условием прекращения в отношении лица уголовного дела и уголовного преследования со ссылкой на отсутствие в инкриминируемом ему деянии состава преступления является наличие установленного и подтвержденного в уголовно-процессуальных процедурах, осуществленных в надлежащем процессуальном порядке, самого запрещенного уголовным законом деяния, в связи с совершением которого было возбуждено уголовное дело, что предполагает, по меньшей мере, установление обстоятельств, позволяющих дать этому деянию правильную правовую оценку с учетом доказательств, собранных в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и достаточных для выдвижения подозрения или первоначального обвинения. Отсутствие же самого деяния, содержащего признаки преступления, влечет прекращение уголовного дела за отсутствием события преступления (пункт 1 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации).

Исходя из того, что, по общему правилу, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (статья 9 УК Российской Федерации), решение о прекращении уголовного дела в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость соответствующего деяния были устранены новым уголовным законом, констатирует, с одной стороны, наличие самого деяния, содержавшего признаки преступления, а с другой – отсутствие в таком деянии преступности и наказуемости по смыслу нового уголовного закона. В таком случае прекращение уголовного

преследования – хотя и со ссылкой на пункт 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации (отсутствие в деянии состава преступления) – не порождает у подозреваемого или обвиняемого права на реабилитацию, как это закреплено пунктом 3 части второй статьи 133 данного Кодекса.

Вместе с тем применение нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, не предопределяет правомерность или неправомерность имевшего место уголовного преследования – процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (пункт 55 статьи 5 УПК Российской Федерации), и, следовательно, не должно влечь для такого лица, если оно полагает выдвигавшиеся подозрение, обвинение незаконными и необоснованными, ограничений конституционных прав на судебную защиту и на восстановление нарушенных прав и законных интересов, ни объем, ни степень гарантированности которых не могут зависеть от того, реализовало ли государство свое правомочие по осуществлению уголовного преследования или отказалось от этого, приняв новый уголовный закон, устраняющий или смягчающий уголовную ответственность. Иное приводило бы к нарушению не только статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 53 Конституции Российской Федерации, закрепляющих право каждого на защиту достоинства личности, чести и доброго имени от незаконного и необоснованного уголовного преследования, на обеспечение государством доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба, но и провозглашенного ее статьей 19 принципа равенства всех перед законом и судом.

Соответственно, разрешая по жалобе лица, подозревавшегося, обвинявшегося в совершении деяния, преступность и наказуемость которого устранены новым уголовным законом, вопрос о законности и обоснованности постановления о прекращении в отношении него уголовного дела и уголовного преследования, суд должен проверить, имело ли место деяние, квалифицировавшееся прежним уголовным законом как

преступление, обосновано ли подозрение или обвинение данного лица в его совершении, утратило ли совершенное деяние преступность, – иное свидетельствовало бы об окончательности и неоспоримости утверждений дознавателя, следователя или руководителя следственного органа относительно совершения декриминализованного деяния лицом, уголовное преследование которого прекращено, и о правильности квалификации деяния. При этом суд не вправе вторгаться в вопрос о доказанности вины этого лица, поскольку его невиновность в совершении преступления презюмируется, а виновность может быть установлена лишь в приговоре, постановленном при рассмотрении уголовного дела по существу.

3.2. Закрепленный Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядок уголовного судопроизводства является, согласно его статье 1, обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства. Соответственно, в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные данным Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (часть вторая статьи 21 УПК Российской Федерации). При этом – в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, собранных в установленном порядке достаточных данных, указывающих на признаки преступления и дающих основания для возбуждения уголовного дела, подозрения лица в совершении преступления, предъявления обвинения или составления обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), – принимаются процессуальные решения, на основании которых можно судить о законности и обоснованности уголовного преследования этого лица за совершение деяния, запрещенного уголовным законом, на каждом этапе расследования, применения мер уголовно-процессуального принуждения.

В силу конституционных принципов правосудия, предполагающих в качестве гарантии прав участников уголовного судопроизводства неукоснительное соблюдение процедур уголовного преследования и правильное применение норм уголовного закона, осуществление процессуальной деятельности стороной обвинения с нарушением закона, а потому и неверное установление наличия или отсутствия оснований для вынесения соответствующих процессуальных актов ведут к нарушению принципов равенства, справедливости и верховенства права, свидетельствуют о незаконном и необоснованном уголовном преследовании, результатом которого может явиться выдвижение подозрения или обвинения лица в совершении преступления, которое оно не совершало, или в отношении не того лица, которым это преступление фактически было совершено.

При этом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 мая 2009 года № 574-О-О, факты и обстоятельства, имевшие место в период производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, оцениваются по правилу статьи 4 УПК Российской Федерации, согласно которой при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства того или иного процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено данным Кодексом. Соответственно, лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого ему деяния, должно иметь возможность путем обращения в суд реализовать свое право на судебную защиту, а суд, в свою очередь, – проверить и оценить законность и обоснованность принятых по данному делу процессуальных решений, в которых зафиксированы выдвинутые в отношении лица подозрение, обвинение в преступлении, включая постановление о прекращении уголовного дела, на основе материалов,

собранных с учетом стадии уголовного судопроизводства к моменту прекращения уголовного дела, и в случае установления фактов, подтверждающих незаконность и необоснованность уголовного преследования лица, разрешить вопрос о реабилитации, т.е. восстановлении чести, доброго имени лица, опороченного неправомерным подозрением, обвинением, восстановлении его нарушенных прав, возмещении причиненного вреда.

4. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной применительно к порядку прекращения уголовного дела на стадии судебного разбирательства в связи с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления в случаях, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния устраняются новым уголовным законом, и возможности реализации лицами, в отношении которых уголовное преследование прекращено по данному основанию, права на реабилитацию, выявление данного основания в ходе судебного разбирательства не освобождает суд от необходимости выяснения позиций сторон по делу и исследования приведенных ими доводов и обязывает суд проверять в таких случаях наличие достаточных для прекращения дела оснований и условий и обеспечивать сторонам возможность высказать свою позицию по данному вопросу (определения от 5 ноября 2004 года № 359-О, № 360-О, № 361-О и № 362-О).

Следовательно, в таких случаях вопрос о законности и обоснованности уголовного преследования и выдвинутых обвинений может быть разрешен судом в рамках уголовного дела, которое находится в его производстве, на основе оценки актов органов, осуществлявших дознание или предварительное следствие, вынесенных еще до момента декриминализации соответствующего деяния.

Постановление о прекращении уголовного дела в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости деяния, если таковое имело место на стадии предварительного

расследования, может быть обжаловано в суд, который в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым постановлением, а также с участием прокурора, следователя, руководителя следственного органа проверяет законность и обоснованность этого постановления, оценивая лишь факты и обстоятельства, ограниченные его рамками. Вынесенное по результатам рассмотрения жалобы решение суда первой инстанции о признании постановления соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение либо об оставлении жалобы без удовлетворения (статья 125 УПК Российской Федерации), в свою очередь, может быть обжаловано в суды апелляционной и кассационной инстанций (статьи 389<sup>9</sup> и 401<sup>1</sup> УПК Российской Федерации).

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» судьям надлежит на основе имеющихся данных и дополнительно представленных материалов проверять законность решений и действий (бездействия) должностных лиц, указанных в части первой статьи 125 УПК Российской Федерации, касающихся заявленных требований граждан об устранении допущенных нарушений, ущемляющих их права и свободы; судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния (пункт 1); если заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то при рассмотрении такой жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснять, проверены ли и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии



оснований для прекращения уголовного дела; при этом по результатам разрешения такой жалобы судья не вправе делать выводы о доказанности или недоказанности вины, о допустимости или недопустимости доказательств (пункт 15).

Такой подход к проверке актов органов дознания и предварительного следствия обусловлен тем, что законность и обоснованность действий и решений органов предварительного расследования в целом, по общему правилу, проверяются в судебном порядке после передачи материалов уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) в суд. Исключений из данного правила применительно к досудебным стадиям уголовно-процессуальный закон не содержит, допуская проверку судом в предварительном порядке лишь отдельных процессуальных действий и решений.

В результате – при отсутствии в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, включая положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, являющиеся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, механизма, позволяющего лицу, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого ему деяния, в судебном порядке обжаловать законность и обоснованность вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутые подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а суду в случае установления их незаконности и необоснованности решить вопрос о возможности признания за этим лицом права на реабилитацию, – такое лицо в нарушение выраженных в Конституции Российской Федерации принципов верховенства права, законности, справедливости,

гуманизма, равенства всех перед законом и судом лишается эффективной судебной защиты, а его право на защиту чести, достоинства и доброго имени недопустимо ограничивается.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутое подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а в случае установления их незаконности и необоснованности – возможности признания за ним права на реабилитацию.

2. Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Впредь до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации надлежащих изменений суд, рассматривая жалобу лица на постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с принятием нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, обязан в процедуре судебного разбирательства – с учетом стадии уголовного судопроизводства – проверить по существу изложенные в жалобе доводы и оценить законность и обоснованность актов органов дознания и предварительного следствия, вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица, в том числе фиксирующих выдвинутое подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение к нему мер процессуального принуждения, и, соответственно, решить вопрос о наличии оснований для применения процедуры реабилитации, которыми во всяком случае должны являться незаконность возбуждения уголовного дела, незаконность выдвижения подозрения, обвинения, незаконность обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), а также незаконность применения мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (часть третья статьи 133 УПК Российской Федерации).

Если расследование уголовного дела в отношении лица продолжается в связи с наличием в его деянии признаков иных преступлений и уголовное дело подлежит направлению в суд для его рассмотрения по существу, вопрос о праве на частичную реабилитацию лица, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного преследования в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого ему деяния, подлежит разрешению судом в процессе производства по уголовному делу с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении граждан Боровкова Сергея Александровича и Морозова Николая Ивановича, основанные на взаимосвязанных положениях части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру с учетом абзацев второго и третьего пункта 2 резолютивной части настоящего Постановления.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».



Конституционный Суд  
Российской Федерации

№ 24-П